

— Кровный конь тебе в подарок, не злись больше.

Шао Синтан долго не мог понять, что задумал этот молодой господин, пока не осознал, что тот пытается загладить свою вину за недавний конфликт за игровым столом, подкупая его лошадью. Чем больше он об этом думал, тем сильнее злился. С тех пор как он оказался здесь, ему приходилось жить в постоянной тревоге, терпеть внимание Юй Чжаньняня, главы местных военных, выносить мерзкие выходки Лю Вэя, а теперь еще и терпеть унижения от этого избалованного богатого юнца.

Не сдержавшись, Шао Синтан обрушил свой гнев на Цинь Юэжуна.

— Разве не вы, господин Жун, сказали, что я люблю деньги?

— Нет, я не это имел в виду.

— Тогда зачем вы дарите мне кровного коня? На игровом столе вы намекали, что я жаден до денег, а теперь предлагаете мне хорошую лошадь. Всё это сводится к одному — к деньгам. Вы стоите здесь, не давая мне уйти, только чтобы унижить меня?

— Я, я не... — Цинь Юэжун, славившийся своим красноречием перед отцом и старшими братьями, сегодня, глядя на Шао Синтана, не мог выдавить из себя ни слова.

Шао Синтан даже не взглянул на покрасневшего от смущения Цинь Юэжуна и продолжил спокойным, но язвительным тоном:

— Я знаю, что у вас, господин Жун, полно денег, и вы можете легко задавить ими бедняков и тех, кого презираете. Но не всем так повезло, как вам, родиться в богатой семье. Некоторые с самого рождения вынуждены терпеть унижения и пренебрежение со стороны таких, как вы. Это судьба. Оставьте свои деньги и лошадь себе, продолжайте быть богатым и знатным. Мы, маленькие люди, можем жить счастливо, если только избежим вашей милостыни.

Слова Шао Синтана были резкими, и Цинь Юэжун, не ожидавший такого, остался в полном замешательстве, снося насмешки и сарказм.

Обычно Цинь Юэжун не был человеком, который терпит обиды. Сегодня он позволил себя оскорбить по двум причинам. Во-первых, он не ожидал, что такой красивый и спокойный с виду Шао Синтан может быть столь резким. Во-вторых, его взгляд был слишком ярким. Когда он злился, его черные зрачки словно горели огнем, который проникал прямо в сердце Цинь Юэжуна, заставляя его потерять самообладание...

Только спустя некоторое время после ухода Шао Синтана Цинь Юэжун ударил кулаком по черной мраморной стойке, отчего тут же вскрикнул от боли. Он подумал: «Как бы красив он ни был, это всего лишь игрушка, да еще и чужая. Почему же я так унижился перед ним?»

Выйдя из уборной, Шао Синтан увидел Лю Вэя, который караулил у входа для своего господина. Даже не взглянув на него, он отряхнул полы своей одежды и спокойно ушел.

В тот день, дав волю своему языку, Шао Синтан вернулся в «Красные чернила», чувствуя некоторое сожаление. Он винил себя за излишнюю импульсивность, из-за которой нажил врага в лице этого избалованного юнца. «Как теперь жить?» — подумал он.

Неужели все артисты такие вспыльчивые? Когда Шао Синтан злился, он обычно не думал, кто перед ним, и просто выплескивал свой гнев. С Юй Чжаньнанем он был осторожен, так как тот

был слишком могущественен, а его властная манера держаться всегда напоминала Шао Синтану, что этого человека лучше не злить. Но Цинь Юэжун был всего лишь семнадцатилетним мальчишкой, в глазах Шао Синтана он даже не успел еще повзрослеть (он забыл, что сам, после перерождения, тоже был не старше). К тому же юноша попал под горячую руку, и Шао Синтан не смог сдержаться, решив проучить его.

Позже он начал немного бояться, понимая, что мальчишки в таком возрасте обычно не знают меры, а этот, к тому же, был избалованным богатым наследником. Наверняка его самолюбие было задето, и он мог устроить какую-нибудь пакость.

Шао Синтан пытался успокоить себя, говоря, что молодые быстро забывают обиды.

Но на третий день после возвращения в «Красные чернила» его иллюзии развеялись.

В тот день ему снова принесли анонимное письмо, приглашая на встречу в чайный дом «Циндао». По этой скрытной манере Шао Синтан сразу понял, что это дело рук Лю Вэя. Подумав, что тот, вероятно, хочет вернуть ему деньги, Шао Синтан надел просторную одежду и с радостью отправился на встречу.

Но Лю Вэй никогда не был человеком, который мог бы порадовать. Он дал Шао Синтану всего сто серебряных монет, да еще и в тяжелом мешке, не обменяв их на удобные для переноски банкноты.

Увидев мешок с монетами, Шао Синтан лишь вздохнул. Как он будет это нести?

В том же чайном доме, в том же кабинете Лю Вэй, глотнув чая, открыл мешок на столе, показывая Шао Синтану его содержимое — смесь черных и белых серебряных монет.

— Посмотри, как я для тебя старался. Это я, унижаясь, у соседей занял.

Шао Синтану было противно видеть его лицо, выражавшее мнимые жертвы. Он опустил глаза, делая вид, что рассматривает монеты, и, выдержав паузу, с благодарностью, но с ноткой сомнения произнес:

— Но, брат Лю, этого даже на осколок от того, что я должен, не хватит...

Лю Вэй схватил руку Шао Синтана, с мерзкой слащавостью произнес:

— Я знаю, но ты должен понять мои трудности. Мы не можем продать дом, иначе как мы будем жить? Я вижу, что командующий Юй к тебе благосклонен, может, ты у него что-нибудь попросишь?

«Какое „мы“? Скупой!» — подумал Шао Синтан.

Он почувствовал, как его рука, схваченная Лю Вэем, словно касалась холодной змеиной кожи, отчего по телу побежали мурашки. Но он продолжал притворяться:

— Сейчас у нас ничего нет, о каком будущем можно говорить? Хотя командующий Юй и благосклонен ко мне, он терпеть не может, когда у него просят деньги. Если я попрошу, то, возможно, не то что выплатить его наложнице, но и сам останусь жив. Деньги и вещи он дает только по своей воле, а я пока не настолько близок к нему.

Выслушав его, Лю Вэй долго кряхтел, а потом, стиснув зубы, пообещал подумать.

Шао Синтан действительно не хотел иметь дело с такими людьми, как Лю Вэй — скупой и коварный. Но он не мог просто так оставить деньги, которые принадлежали прежнему Шао Синтану.

Они посидели еще немного, а потом Лю Вэй спросил:

— Что ты сказал господину Жуну в «Шэнхае»? Он теперь ходит, как огнедышащий дракон, и везде срывает злость, даже зарезал своего любимого кровного коня, подаренного старшим братом из семьи Цинь, и съел его...

Шао Синтан почувствовал, как сердце его заколотилось. «Видно, объектом для убийства и поедания должен был стать я сам», — подумал он.

Затем, погруженные в свои мысли, они вышли из чайного дома.

Шао Синтан попросил у хозяина чайного дома старую корзину для овощей, бросил туда мешок с монетами и сверху положил несколько белых груш, купленных у мальчишки, продававшего их у входа.

Груши были крупные, белоснежные и прозрачные, словно только от их вида во рту становилось свежо. Дав мальчишке немного больше денег, Шао Синтан подумал, что, если охладить эти груши в колодезной воде, Цзяньань будет просто пускать слюни от удовольствия!

Шао Синтан был человеком с холодной натурой, он боялся холода, но не жары. Однако в этот жаркий летний день, когда солнце раскаляло землю, поднимая пыль, а почва трескалась, ему пришлось закатать широкие рукава до плеч, обнажив тонкие белые руки. Он выглядел как молодой хозяин, только что женившийся и вышедший за покупками. Его привлекательная внешность привлекала взгляды прохожих.

Войдя в торговую лавку «Да Хэ» с корзиной, полной груш, Шао Синтан достал сто серебряных монет и банкноты, данные ему Юй Чжаньнанем, но обнаружил, что их не хватает даже на один слиток. Он был разочарован. Поговорив с молодым продавцом о текущей ситуации с обменом валюты, он кое-что для себя уяснил, а затем обменял монеты на банкноты, спрятав их на себе, оставив лишь двадцать монет на случай непредвиденных обстоятельств.

Вернувшись в «Красные чернила», он отдал загорелому, как маленький индеец, Цзяньаню груши, чтобы тот отнес их в город, а сам укрылся в тени дерева, проверяя уроки мальчика.

<http://bllate.org/book/16353/1478085>